

В. ВЫСОЦКИЙ

Александр Керенский

Не знаменательно ли, что первое активное действие революционной власти в России — развод караулов в здании Таврического дворца — совершено Керенским? Утром 27 февраля к Думе — подошли первые революционные войска. Керенский вышел их встретить на улицу и обратился к ним с речью. Потом, когда караул был выстроен, взял разводящего за руку и ввел его в Государственную думу.

Не знаменательно ли, что уже в этой первой, символической картине единения восставшего народа и восставшей армии — представителем народа мы видим Керенского?

И с этого момента все течение русской революции неразрывно связано с Керенским. Оно было стихийно, и эту стихию, прежде всего, нужно было ввести в правильное русло. Керенский, без сна и отдыха, проводит в Думе дни и ночи и кипит в этом тигле переплавляющийся жизни, встречает войска, ведет переговоры, отдает распоряжения. 2 марта между Исполнительным комитетом Государственной думы и Советом рабочих депутатов, этими двумя центрами, вокруг которых группировались революционные силы, состоялось соглашение относительно их будущей деятельности. Образовалось Временное правительство. Керенский без колебания вошел в его состав, зная, что, как социалист, как представитель демократических масс, он будет в нем одинок.

Только впоследствии мы узнали, какую огромную самостоятельность, какую огромную независимость своей духовной личности он проявил в этом шаге. Он вошел в состав правительства по собственному почину, не имея на то полномочия партии и даже вопреки постановлению Совета рабочих депутатов, решившего уклониться

от участия в управлении страной. Керенский внял единственно голосу своего революционного инстинкта, велениям своей революционной совести.

«Товарищи! — заявил он в заседании Совета рабочих депутатов в тот же день. — Я имею сделать вам внеочередное заявление. Образовалось Временное правительство, в котором я занял пост министра юстиции. Товарищи, я должен был дать ответ в течение пяти минут и не имел возможности получить ваш мандат». Если Совет не одобрит его шага, не выразит ему своего доверия, — прибавил Керенский, — он из этого собрания живым не уйдет. — Доверие это было выражено и в громе рукоплесканий, и в последовавшем затем акте переизбрания Керенского товарищем председателя Совета.

Какую огромную значительность приобретает это решение, «принятое в течение пяти минут», без указаний партии, без полномочий Совета! Керенский безошибочно понимал, что в грозный момент государственного строительства новой России, в условиях еще не прекратившейся войны, партийным и классовым интересам нет места, что все классы, все партии должны слиться в одну единую «партию спасения России».

— Мы сняли жатву на пашне, политой кровью лучших людей, и не нам этой жатвой распоряжаться, мы только хранители клада России. Быть может, мы начинаем новую эру мира!..

Да, в будущем, быть может, новая эра, но пока — только бережное и честное хранение клада России, волшебного клада свободы, оказавшегося в руках революции.

Одиноким пока представитель социалистов, Керенский занял во Временном правительстве пост министра юстиции. Эта деятельность его, напряженная и неутомимая, была сравнительно мало заметна извне. Он приступил к ней с лозунгом:

— «Граждане, честь нации требует, чтобы первые святые дни свободы не были омрачены насилием, хотя бы вызванным естественным возбуждением граждан!» И от этого лозунга не отступал. Страна знала и верила, что враги свободы, переданные в руки Керенского — в надежных руках, как знала и верила, что неотложнейшие акты законодательной власти, без которых не может идти спокойная работа государственного строительства, будут опубликованы немедленно. И действительно, вскоре была обнародована полная амнистия по политическим и религиозным делам и состоялась отмена смертной казни.

— Я счастлив, что мне пришлось подписать приказ об отмене смертной казни навсегда!

Но правительство в своем первоначальном составе просуществовало недолго. Произошли события, которые снова поставили на очередь вопрос об организации власти и которые заставили представителей социалистических партий, отказавшихся вначале от участия в управлении страной, пересмотреть свое решение и последовать примеру Керенского. В этом обновленном правительстве, в котором социалисты имели не одно, как раньше, а 6 мест, Керенский занял пост военного министра.

Весь героизм этого шага станет нам понятен, если мы вспомним, что говорил Керенский еще 2–3 дня назад, на совещании делегатов с фронта:

— «Мое сердце и душа сейчас беспокоены. Тревога охватывает меня, и я должен сказать это открыто... Я пришел к вам потому, что силы мои на исходе, потому, что я не чувствую в себе прежней смелости... у меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство с увлечением, достойным русского народа»¹.

Призрак анархии, развала, грозно нависший над страной, заставляет его честно и прямо сделать это страшное признание. Но он же заставляет Керенского взять в свои руки власть, ибо «вся ответственность за судьбы государства целиком и полностью падает на плечи всех и каждого в отдельности» — и прежде всего на него, «слугу демократии», «старого солдата революции». Таково его убеждение.

И вот, больной и изнуренный, на исходе сил, он принимает на свои плечи «непосильное бремя» власти военного министра в тот момент, когда развал в армии достигает своего предела, когда братанье на фронте и дезертирство из явлений одиночных и местных превращаются в повсеместные и общие, когда Гучков своим уходом как бы показывает всей стране, что он не верит в возможность бороться с неслыханной разрухой в армии.

Но Керенский верит, хочет верить. «Я хочу верить, что мы найдем выход из своего положения и пойдем вперед той же ясной и открытой дорогой демократического государства, скованного сознанием гражданского долга и твердой воли, и что все, что нам передали наши предшественники, всю нашу многовековую культуру, все что дал нам русский гений, мы сумеем бережно донести и отдать все это Учредительному собранию, единому хозяину русской земли. Но для этого нужно не только верить, но и найти в себе желание действовать».

Этим желанием, этой волей к действию, немедленному действию («промедление часа — смерти подобно») — и определяется вся даль-

нейшая деятельность Керенского на новом посту. Он — во главе Военного министерства. Но подлинно ли это только Военное министерство? Не есть ли это — прежде всего — министерство «спасения России»? Не армия ли держит в своих руках, «быть может, новую эру мира» — и не она ли может предать родину бесславию, позору, разорение, даже рабству?

И прежде всего — где эта армия? Разве там, где на десятки верст по фронту, днем — мирная дачная жизнь, а ночью — «поцелуйные обряды» в окопах у неприятеля, за стаканом водки? Или на станциях железных дорог, где серые шинели набивают собой и облепляют вагоны, убивают станционных начальников и машинистов и требуют, чтобы их везли без всяких очередей и расписаний?

В момент, когда Керенский принимал власть министра, армии, как реальной силы, у нас в сущности не было. Она развалилась, как здание, из-под которого вынули фундамент. Выборные организации, которым пришлось сыграть потом такую огромную роль в деле оздоровления армии, только начинали прививаться, — а пока всю работу делали те дезорганизаторские силы, которые проникли в армию с первых же дней революции. Прежде всего — безответственная и бесконтрольная пропаганда, которая велась на фоне совершенного безвластия и безнаказанности, царившего в армии. События последних дней показали, что нити этой пропаганды начинались в Берлине — и проникали в Россию под ярлыком большевизма.

Но как ни ужасна по своим последствиям деятельность большевиков в армии, причина того катастрофического положения, в котором она оказалась, все же не в них. Они только продолжали спаивать захмелевшего от свободы солдата дурманом лживых уверений и обещаний, как спаивали рабочего — перспективой немедленной расправы с капиталистическим строем и буржуазией.

Ответственность за развал армии падает, прежде всего, — надо сознаться в этом прямо! — на руководящие круги русской демократии, слишком неосторожно и неумело подошедшие с молотом в руках к той сложной постройке, какую являлась армия. В первые же дни революции эти круги сделали ряд роковых ошибок, в которых раскаиваются теперь сами. В идеалистическом стремлении к уничтожению всякого насилия, они уничтожили дисциплину, как основу армии, лишь потому, что во времена царизма эта дисциплина поддерживалась палкой. Необдуманно приказом № 1² они отравили армию ядом озлобления и недоверия к тем, кто эту дисциплину обязаны были поддерживать, т. е. к офицерам.

Правда, эти же круги искали потом путей к исправлению этих ошибок — и отчасти нашли их в проведенной потом планомерной демократизации армии, но пути эти оказались очень долгими, ибо их приходилось совершать в условиях анархии, пустившей повсюду глубокие корни.

Вырвать корни анархии, вернуть армии железную дисциплину, спаять ее ряды сознанием долга и ответственности перед страной и, наконец, зажечь в ней пожар «великого энтузиазма» и двинуть ее вперед, в наступление за скорый мир, — вот та титаническая и, казалось, безнадежная задача, которая стояла перед Керенским.

— Первейшей моей задачей будет введение дисциплины в армии, и я глубоко убежден, что это мне удастся! — заявил он представителям печати. Многим это заявление казалось тогда какими-то самоподбадриванием и вызывало на их губах усмешку.

Но события вскоре показали, что такая усмешка менее всего уместна. Начались дни и недели «с Керенским», когда он вырастал на наших глазах в какую-то огромную, мощную фигуру, дышавшую великой силой своей убедительности и великой силой своей правоты. На собраниях, митингах, съездах, сегодня в Петрограде, завтра в Гельсингфорсе, через день уже в Одессе, на фронте, в Киеве, в Москве — раздавались огненные, ни с чем не сравнимые речи «великого энтузиаста» и «романтика», идущие из самой глубины его сердца — и потому такие вдохновенные, страстные и покоряющие.

Главная тема всех этих речей — создание нового государства и окончание войны. Переживаемый нами момент имеет грандиозное мировое значение. «В настоящее время торжеством новых идей, созданием демократического государства в Европе мы можем сыграть колоссальную роль в мировой истории, если сумеем заставить другие народы пойти нашим путем, если мы заставим и наших друзей и врагов уважать нашу свободу. Но для этого нужно, чтобы они увидели, что с идеями русской демократии бороться невозможно. Этот путь мы можем пройти лишь, как организованное, сильное, внушающее уважение и единое государственное тело». К созданию этого «единого государственного тела» и должны быть направлены усилия всех и каждого. Путь к его созданию в единении всех и дисциплине.

— «Мы имеем право не только просить, но и требовать, чтобы каждый, кто считает себя человеком русским и живущим в России, почувствовал бы одну только обязанность — забыть о себе и о частном во имя общего и государства!»

От этого смешения общего с частным, интересов классовых с интересами государственными особенно и предостерегает Керенский:

— «Мы должны мириться с тем, что в настоящее время ни один класс и ни одно сословие в государстве не может достигнуть своих главных, максимальных и величайших желаний, что сейчас есть время не достижения партийных идеалов во чтобы то ни стало, а время для закрепления почвы, закрепления и устройства того, я сказал бы, плацдарма, на котором потом будет происходить борьба разных классов». Пока же «у нас одна задача — закрепить в России основы демократической республики, рождающейся в муках во время войны, которой не знал еще мир»... «И одно спасение — в дисциплине, в выдержке трудящихся масс».

— «Революция вовсе не праздник, революция — не своеволие и не произвол, революция есть постоянный, упорный, дисциплинированный труд». К этому труду и зовет Керенский в своем приказе по армии и флоту от 5 мая:

«Объявляю армии и флоту, что съезд делегатов с фронта, состоявшийся в Петрограде, постановил обратиться ко всему населению России со следующим призывом:

1) К товарищам-солдатам тыла. Товарищи, пополните наши рдеющие ряды в окопах и встаньте с нами плечом к плечу на защиту родины!

2) Товарищи-рабочие! Дружной, сплоченной работой поддержите нас в нашей последней борьбе за всеобщий мир народов! Укрепляя фронт, вы закрепляете свободу!

3) Граждане-капиталисты! Будьте Миниными для своей родины. Откройте свои сокровищницы и спешите нести свои деньги на нужды освобожденной России!

4) К крестьянам. Отцы и братья! Несите свои последние крохи на поддержку слабеющего фронта. Дайте нам хлеба, а нашим лошадям овса и сена. Помните, что будущая Россия — ваша.

5) Товарищи-интеллигенты! Идите к нам и несите свет знания в наши мрачные окопы. Разделите с нами тяжкий путь закрепления свободы и воспитайте в нас граждан для новой России.

6) К русским женщинам! Поддержите мужей и сыновей ваших в исполнении ими их гражданского долга перед родиной. Замените их там, где это по силам вам. Гоните своим презрением всех уклоняющихся в тяжелую годину от служения родине».

Сейчас — великий и ответственный момент, когда выковываются судьбы грядущей России — и они должны выковываться «энтузиазмом, творческой дисциплиной, выдержкой, твердой и творческой

рукой». А для этого нам, прежде всего, нужна организованность и власть, сильная поддержкой и доверием народа. К доверию власти и призывает Керенский.

— «По воле народа, по воле русской революции по воле моих товарищей-социалистов-революционеров и всех народников я взял на себя великую тяжесть спасти вместе с вами, вместе со всем народом все то, что завоевала русская революция, землю и волю... Знайте, что те, кто в продолжение этих последних лет, не боясь и не скрываясь, боролись открыто и говорили правду всем в глаза — эти люди не будут вам изменять. Если они говорят — “этого нельзя сейчас”, то только потому, что они хотят дать вам все, а не оставить вас с разбитым корытом». — «Необходима мера вещей».

Но государственное строительство внутри страны возможно только в том случае, если страна извне будет защищена мощной и боеспособной армией: «Русский народ, русская демократия, русские крестьянские и рабочие массы... они все поняли, что вопросы внутренней свободы, вопросы земли, вопросы социального благополучия крестьянских и рабочих масс неразрывно связаны с вопросом о сохранении чести, достоинства и независимости русского народа перед всем миром». На страже этой независимости стоит армия. Для того, чтобы армия могла существовать, как сила, ей необходима дисциплина, и забота о ней — «первейшая забота» Керенского. «Я никогда не был на военной службе и не носил военного мундира. Но я привык к железной дисциплине: у нас, в революционных партиях тоже были “офицеры” и “солдаты”. Но все были равны. Офицеры отличались только тем, что вдвое трудились и несли двойную ответственность... По слову вождей наших мы были готовы безропотно отдавать жизнь... Я буду настойчиво требовать силой власти революционного народа подчинения всех дисциплине на основе совести, доверия и правды. Это сделает армию могучей моральной силой, перед которой преклонятся все, и могучей физической силой, которой все будут бояться. Я верю и знаю, что я... установлю железную дисциплину в войсках, потому что это будет дисциплина долга перед родиной, дисциплина чести и дисциплина уважения в каждом гражданине». Мы знаем теперь, что эту дисциплину долга, «готовности отдать всего себя во имя служения революции и родине» — Керенский проводил не только снизу, но и сверху. Но совсем не силой намерен был Керенский проводить в армии дисциплину, сила допустима как крайность — «Русская демократия — не рабы, русской демократии не нужно нагайки и кнута, чтобы до конца исполнить свой долг перед родиной... Разумом всей массы будет

создана сознательная и разумная дисциплина демократии, свободно защищающей и свободно умирающей за свою родину». Дисциплина даст армии железную сплоченность и силу. «Товарищи солдаты, матросы и офицеры, вас я зову вместе со мной на тяжелый и страшный подвиг, я буду вашим последним слугой, но дайте вашим именем мне доказать перед миром, что русская армия и русский флот это не рассыпанная хранина, это не собрание людей, которые не хотят ничего делать, а это сила». Армия должна быть сильной для того, чтобы «война достигла своей цели». Здесь Керенский подходит к самому жгучему, острому и волнующему вопросу — о целях войны и дает на него продуманный и потому необыкновенно простой и ясный ответ. В речи, сказанной им на фронтовом съезде в Одессе³, он говорит: «Более всего должно вас волновать... стоит ли приносить жертвы на фронте; не будут ли эти жертвы для других? Все сходится в том, что у России нет захватных задач в этой войне. Есть задачи защиты и охраны права на развитие... Лозунг без аннексий обращен не к нам, а к немцам. Говорят: “Какое нам дело до Либавы?” Но государство не может жить по клочкам. Нам нужны ходы и выходы, нужен правильный обмен внутри, поэтому мы не можем допустить потери земель. Мир без аннексий и значит: “Милостивые государи, извольте идти к себе, в Германию”. Если не слушают, то надо прогнать. Это так просто... Мир, без аннексий может быть достигнут только военными средствами, борьбой и победой, но не победой до конца, не вхождением в Берлин, не взятием Константинополя, — все это чепуха! Чтобы заставить Германию отказаться от захватов, надо иметь боеспособную армию; чтобы достичь мира, надо напрячь все усилия... Мы ведем войну, чтобы кончить ее, а чтобы кончить ее скорее, надо вести ее напряженнее» ...

А как же братание и дезертирство, это тоже — в принципе — пути к миру? Мы знаем, что Керенский борется с ними беспощадно, что он требует от командующих армиями принятия всех мер, чтобы прекратить все эти «позорящие русскую армию явления». Но какую принципиальную отповедь дает он тем, кто в братании, в отказе армии от исполнения своего долга видит путь к скорому миру? «Мы идем к миру, и я не был бы в рядах Временного правительства, если бы воля народа об окончании этой бойни не была бы задачей всего Временного правительства, но есть пути и мути. Есть широкие открытые дороги, но есть темные и мрачные переулки, идя которыми можно потерять и честь, и жизнь. Мы хотим приблизить конец братоубийственной войны. Но к этому надо идти открытым и ясным путем. Мы — не собрание усталых людей, мы — государство... Наша

задача общими силами спасти Россию и революцию. Не увлекайтесь в сторону, а идите по дороге, которая по плечу свободному гражданину. Народ не хочет, чтобы коварством одних и предательством других погибла страна. Отказом исполнить свой долг до конца, вы не приближаете конец войны, а усиливаете реакционную Германию, которая говорит, что благодаря революции обнажен наш фронт и нет более врагов с востока». «Сама армия на собственном опыте узнала, что такое братание, этот опыт стоил нескольких тяжелых артиллерийских батарей и нескольких братских человеческих жизней, но урок этот был настоящим». «Братание не приблизило, а отдалило мир, которого можно добиться только интенсивным ведением войны, т. е. наступлением». Наступление, подготовка к нему армии, не только материальная, но прежде всего моральная — вот основная задача всей деятельности Керенского на посту военного министра, всех его публичных выступлений, обращений к армии, поездок на фронт. И мы видим здесь картину необычайную: всюду, где он появляется, всюду, где раздаются его слова, искренние, вдохновенные, такие прямые и честные, рожденные великой любовью и великим страданием — навстречу ему несутся взрывы того же вдохновенного восторга, того же ответного великого энтузиазма, которым охвачен и сам оратор, как будто избытком того внутреннего горения, которым пламенеют его слова — он обжигает людей, одного за другим, пока все кругом не охвачено пламенем стихийного пожара, в котором эгоизм переплавляется в жажду самопожертвования, равнодушие и апатия в готовность подвига, трусливое цепляние за жизнь — в бесстрашное искание смерти... Тут же на глазах у людей совершается какое-то чудо, которое невольно заставляет вспомнить Савонаролу⁴ и Яна Гуса⁵... В чем же разгадка этого чуда? В новизне и неслыханности тех мыслей и убеждений, который высказывает Керенский? В несокрушимости логических построений? В неотразимой силе красноречия? Мы вкратце ознакомились уже с кругом тех идей, который бросает Керенский в толпу. Они не новы, конечно, они — общее достояние всей демократически мыслящей России, и лишь иногда у Керенского они получают новое и неожиданное воплощение. Как оратор, Керенский, прежде всего, импровизатор — и порой блестящий. Отсюда та сравнительная неравноценность речей на одну и ту же тему, сказанных в разных местах, но отсюда же и та изумительная порой меткость и картинность отдельных выражений, которыми Керенский определяет еще не вполне оформленные и осознанные и часто такие сложные явления нашей стремительной жизни.

Но и не в возможностях этого импровизаторского дара — сила Керенского. Она, думается нам, в том непосредственном, почти гипнотическом воздействии на массы, которое дается лишь глубочайшей искренностью и честностью мысли и глубочайшей силой внутренней убежденности, которое доступно лишь тому, в ком мысли и убеждения стали как бы материальными частицами всего его существа, неотделимыми даже от внешнего облика человека, как лучи от солнца. Великий энтузиазм, великая вера в силу добра, великая любовь к родине и человечеству, и прежде всего великая правдивость и честность мысли, — вот что люди непосредственно даже как бы физически ощущают в Керенском. Народ чувствует Керенского, и Керенский чувствует народ. И, почувствовав, народ его понимает. К тому же в нем самом живет тоска по каком-то «Керенском», по ком-то, кому и он хочет поверить, отдать душу, за кем он хочет идти, кому в руки он хочет сам отдать власть, чтобы ей подчиниться. Это все та же тоска по уму, по вдохновению, по таланту, по воплощению долга и подвижничества, которая так болезненна «в эти дни переломов и сомнений». Народ сам «творит Керенского», сам создает вокруг него атмосферу безграничного доверия и любви, в которой каждое его слово может принимать какую-то библейскую мощь.

«Чудо перед нами живое, — говорит один из слушателей Керенского, — и не веришь глазам. Впрочем, когда глядишь непосредственными глазами, тогда веришь, тогда поддаешься гипнозу этой странной фигуры, простой и непонятной, колдовству этих слов, безыскусственных и огненных. Ибо ведь это собирательный гипноз всей русской революции, сосредоточенной в одном лице, в одной душе».

И вот этим чудом, этим гипнозом русской революции только и можно объяснить себе весь тот процесс «собираения храмины», который непосредственно предшествовал событиям, разразившимся в армии 18 июня. Правда, Керенский сам говорит, что к наступлению он готовил армию не один, что вместе с Советом рабочих и солдатских депутатов он посылал в армию целые поезда ораторов и агитаторов, но, конечно, это нисколько не умаляет той огромной исключительной роли, которую играл он сам. Среди безбрежного моря серых шинелей, на грудах мешков с провиантом на руках у солдат, поддерживавших его по время речей, он будил армию, звал, не давал уснуть, и его властный голос был голосом кудесника, жреца, заклинателя разбушевавшейся солдатской стихии... Энтузиаст великих демократических идей, он был подлинным трибуном демократии,

обращавшим толпу в новую религию революции. И армия послушалась его, послушалась, как своего вождя, которого не могла не признать. «Под революционным знаменем мы пойдем отдать на защиту государства и народа все силы и жизнь до последней капли крови. Солдаты и офицеры, все прошлое и тени погибших за свободу идут вместе с вами. Из жерл ваших пушек загремит весть свободы. Вы понесете на концах штыков мир и справедливость».

Это уже было последнее звено в той цепи призывов и увещаний, с которыми обращался к армии Керенский. Отныне армия должна заговорить сама, — и дать ответ на эти призывы. Керенскому, как военному министру, оставалось только дать приказ о наступлении. Этот знаменитый приказ он и отдал 16 июня.

И армия ответила на этот приказ блестящим ударом 18 июня. Наступление началось. Свершилось, казалось бы то, чего так страстно ждала Россия, то, во что она верила, несмотря ни на что верила хотя бы как в чудо. — «Лазарь, который был уже три дня во гробе и уже смердел, — воскрес»⁶.

Задача, которую поставил Керенский себе и армии, вступая на пост военного министра, уже получила хотя бы и частичное, но блестящее выполнение: полки 18 июня пошли навстречу смерти не из страха быть расстрелянными за отказ, а единственно с сознанием, что этого требует благо свободной России. Они совершили тот высший гражданский подвиг, которого может требовать страна от солдата: шли умирать за нее добровольно. Вот почему наступление 18 июня было, прежде всего, праздником для всей революционной России: это была победа не только материальных сил армии, но победа ее свободного раскрепощенного духа. И Керенский был вправе телеграфировать Временному правительству:

«Сегодня великое торжество революции. 18 июня русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции и любовь к свободе и родине. Пренебрегая небольшими группами малодушных в немногих полках и оставляя их с презрением в тылу, свободные русские воины утверждают своим наступлением новую, основанную на чувстве гражданского долга, дисциплину. Что бы ни было дальше, сегодняшний день положил предел злостных клеветнических нападок на организации русской армии, построенной на демократических началах».

Мог ли Керенский предвидеть тогда, что это «великое торжество демократических идей», внесенных в жизнь армии, сменится вскоре ужасающей трагедией, ужасающим поражением? Что результаты

той титанической борьбы, которую вел этот «трибун демократии» с разрухой в армии, в один день будут сметены почти бесследно?

Между тем — именно так и случилось. Нелишним вспомнить, что всякий раз, когда наши глаза с напряженным вниманием прикованы к фронту, случается нечто, что заставляет нас с ужасом оглянуться назад. Когда мы в начале войны наступали в Восточной Пруссии, и случилась катастрофа с армией Самсонова⁷, разгадка ее оказалась в тылу, в шпионской шайке Мясоедова⁸. Когда весной 1915 года все были уверены в блестящем положении наших дел, оказалось, что у нас нет снарядов. С разгадкой этой катастрофы связано имя Сухомлинова, но она пока в делах следственной Комиссии. Когда в 1916 г. в разных местах фронта немцам наносились громовые удары — они обрывались вдруг на полуслове и таинственно замирали: всем было ясно, что это результат работы придворных немцев. Когда в 1917 году народ в 2 дня покончил и с двором, и с немцами, когда оставалось лишь окончить с немцами извне, из Германии приехал запломбированный поезд, в окне которого было знамя с надписью: «Долой войну»!⁹ И через месяц нашей армии уже не было — она превратилась в «поцелуйные роты». И, несмотря ни на что, удачно начатое наступление грозило расчистить политическую атмосферу внутри страны и двинуть армию вперед за близкий мир — случилось нечто, что можно назвать ударом в спину из-за угла, нанесенным и революции, и всей работе Керенского.

Это два неразрывно связанных события — кровавые дни на улицах Петрограда и немедленно последовавшее за ними контр наступление германцев. Картина петроградских событий достаточно выяснилась. Это был контрреволюционный заговор, организованный главным штабом большевиков во главе с Лениным, Зиновьевым¹⁰, Хаустовым¹¹ и немецким шпионом Миллером с целью вооруженной силой захватить власть в свои руки. Он не удался. Но он сделал России еще одно страшное открытие, еще одно кошмарное разоблачение: относительно источников большевистской пропаганды. Оказалось, что в руках правительства имеются документы, устанавливающие сношения некоторых большевистских лидеров с Берлином, устанавливающие также и факт ведения ими поразительной агитации на немецкие деньги. Руки тех, кто вел рабочие массы к «миру ни братству народов», оказались запачканными следами каиновой печати. За кулисами большевистского «действия» оказались немецкие каски. Разоблачения разъяснили, наконец, и два «странных» момента этого действия: 1) попытку разгромить контрразведывательное бюро¹², 2) лозунг: «первая пуля — Керенскому».

Среди тех, кого Керенский в своем романтизме, в хрустальной чистоте души, считал «идейными противниками», с кем он боролся прямо и открыто — нашлись попросту наемные убийцы, которым было заплачено за «первую пулю Керенскому». К счастью России, к счастью революции, на страже которой стоит военный министр, эта «первая пуля» его миновала.

Но к несчастью России и революции предателям оказалось заплачено не только за «первую пулю», а и за многое другое, что еще страшнее.

Сообщения из Ставки в начале июля принесли ужасные известия о том, что фронт наш прорван германцами, что войска наши бежали, что России и независимости и свободе грозит гибель. И что фронт прорван именно в том месте, где, вняв огненным призывам Керенского, войска наши врезались вглубь неприятельского расположения. Это странное совпадение невольно приводит на память недавние слова Керенского: «Я не закрываю глаз, что по непонятным мне причинам всюду, где я имел влияние, немедленно начинается особенно сильная работа, направленная против воли большинства», т. е. прямо против него, Керенского, так как воля большинства, по его же словам, единственный закон, который он признает. Теперь эти причины понятны и Керенскому, и всей России: подлинному и вдохновенному носителю созидающего начала нашей революции немцы противопоставили организацию разрушительных сил, «идущую по его стопам» и разбивающую все, что он создал. Подробности, сообщенные Ставкой, не оставляют в этом никаких сомнений. Именно под влиянием большевистской агитации 607 Млыновский полк обнажил фронт и ушел из окопов. И хотя частям войск, соседних с XI армией, где произошел прорыв, приказано было оказать немедленную поддержку этой армии, большевики в этих частях организовали митинги, имевшие своим последствием отказ полков от выполнения приказаний.

И в результате случилась та неслыханная катастрофа, размеры и последствия которой сейчас невозможно даже учесть.

Кого винить в ней? Большевиков? Да, конечно, виноваты и они, «бессовестные и безответственные демагоги», политические «оборотни» наших дней, так долго и так упорно не открывавшие своего подлинного облика. Конечно, ужасающие результаты их систематически разрушительной работы в армии теперь настолько очевидны, что оправдывают и те «крайние меры», которыми власть вынуждена с ними бороться. Но так же несомненна виновность и тех руководящих органов русской демократии, которые не захотели сразу

отмежеваться от большевиков, хотя их выступления с первых же шагов носили характер явно враждебный задачам революционной демократии. Так же виноват и Керенский, в качестве военного министра, слишком поздно сознавший необходимость «крайних мер» в борьбе с большевиками.

Но все же это не главное. Главное в том, что и русская демократия, и лучший ее представитель, Керенский, допустили одну огромную ошибку: они подошли к русской армии, *темной и несознательной в массе*, с требованиями, которые не под силу армиям даже самых культурных и сознательных народов Европы. Делая эту армию самой свободной в мире, предоставляя ей права, каких не имеет ни одна армия «даже в самых старых демократических республиках», русская демократия не создала никаких гарантий исполнения этой армией своего долга. Вопрос такой первостепенной важности, как оборона страны и боеспособность армии, был построен на вере в «совесть и разум русского народа», а его политическая темнота, полнейшая непривычка отождествлять личные интересы с интересами государственными, и наконец — просто звериное начало в человеке, были забыты. В страшном деле неизбежного столкновения со смертью лицом к лицу — темному русскому солдату предоставлено было найти опору в его «революционном долге». Наступление 18 июня показало, что это не совсем невозможно, что огонь «великого энтузиазма» может зажигать и темные массы, может преодолеть в человеке и такую непобедимую силу, как страх смерти. Но прочен ли такой огонь — показали дальнейшие события. Армия, утвердившая было перед Россией и всем миром «новую, основанную на чувстве гражданского долга дисциплину», через несколько дней оказалась армией «обезумевших темных людей», бегущих, еще не видя врага.

«Трезвая» политика большевиков победила энтузиазм и романтизм Керенского, сделала то, чего почти откровенно добивались большевики: поставила Россию на край гибели.

Зловещая телеграмма Корнилова на другой же день после катастрофы сделала эту ошибку демократии вопиюще-очевидной. От Керенского потребовали восстановления смертной казни и военно-полевых судов. От человека, который еще недавно был счастлив тем, что ему «пришлось подписать приказ об отмене смертной казни навсегда», — потребовали приказа о ее восстановлении. И он подписал этот приказ, хотя не мог не сознавать, что этим самым подписывает смертный приговор тем надеждам и той вере, которые руководили до сих пор всей его деятельностью в армии. Но такова

была неопровержимая логика жизни, непреодолимая убедительность факта, с которыми спорить выше сил человеческих. И Керенский им покорился, как неотвратимому року.

Поражение наших войск на фронте, крушение целых армий — это поражение Керенского и всей русской демократии. Но означает ли оно крушение демократической организации армии вообще?

Для такого утверждения нет никаких оснований. Уже и теперь очевидно, что войсковые комитеты и суды играют поистине огромную роль в деле возрождения нашей армии, конечно, там, где эти комитеты окончательно порвали с большевизмом во всех его видах. Есть отдельные и значительные части, где создалась и поддерживается именно та «дисциплина долга», к которой призывал Керенский и которая вовсе не требует применения в каждом случае нагайки и палки. Это заставляет думать, что демократическая организация армии не только возможна, но в условиях новой русской жизни даже необходима. Одно лишь необходимо иметь в виду: при малой сознательности солдатской массы путь ее проведения в жизнь труден и долг. А главное — есть предел, за которым эта организация может оказаться бессильной: она существует лишь до тех пор, пока не прекращается действие убеждения и разумного слова, где не вступает в свои права непревзойденный пока закон жизни: страх перед смертью может быть побежден только страхом смерти — ужасу смерти впереди должен быть противопоставлен ужас неизбежного и позорного расстрела в тылу. Мы твердо уверены, что армия будущей России будет организована на демократических началах, но уверены и в том, что повторение таких катастроф, как на Юго-Западном фронте, может быть предотвращено только военно-полевыми судами и расстрелами. Пусть это ужасно, но война и есть ужас. И то, что Керенский нашел в себе твердость санкционировать это «ужасное», несмотря на протесты в рядах руководящей демократии, несмотря на то, что сам он — убежденнейший противник смертной казни, который еще вчера готов был жертвовать жизнью, лишь бы никогда в России не было расстрелов, — должно быть поставлено ему только заслугу¹³.

Революция потребовала от Керенского этой жертвы — и он ее принес. Мы знаем теперь, что и в этом вопросе он морально оказался победителем. Несколько дней тому назад представители всех партий опять выразили ему свое доверие. Керенский опять остался у власти уже не только военным министром, но и министром-председателем. Впереди у него опять — упорная борьба, тяжелый труд и новые жертвы. И «трибун демократии» вступает в новую борьбу — с прежними

лозунгами, с прежним убеждением, что «в исторический час, когда решаются судьбы родины, русские граждане прекратят перед лицом неприятеля разделяющие их споры и встретят грядущие испытания с мужественным решением преодолеть их».

Несомненно, в связи с катастрофой на фронте, Керенскому пришлось пережить жесточайшую трагедию революционера. Но могла ли она убить в нем веру в революцию, в ее творческую, созидательную мощь? Она только эпизод в борьбе, которую он ведет и будет вести, пусть даже — эпизод падения. Но «подниматься и падать, падать и подниматься — вот путь, достойный истинного революционера».

Голос неутомимого «собирателя русской земли», русской мощи, должен быть услышан наконец Россией, должен спаять ее «в великом жертвенном подвиге». Промедление, «подобное смерти», — не оно ли «мани, факел, фарес»¹⁴?

